

**ИЗДАНО
В СССР**

КАК ЗАВЕСТИ ЧАСЫ?

Карсон Маккаллерс. Часы без стрелок. Роман. Перевод с английского Е. Гольшевой. Послесловие М. Марецкой. Москва, «Молодая гвардия», 1966. 271 стр.

«**Ч**асы без стрелок» — первая книга американской писательницы Карсон Маккаллерс, появляющаяся в русском переводе.

Если задать себе вопрос: что больше всего привлекает и волнует Карсон Маккаллерс, то не сразу найдешь ответ. Верней, ответов будет слишком много. Может показаться, что ее особенно тревожит тема болезни, неустойчивость, недолговечность человеческого существования. Ведь в последнем ее романе «Часы без стрелок» так много места отведено почти клинической картине медленного умирания аптекаря Мелона, заболевшего лейкемией. А в первой ее книге, принесшей ей широкую известность, «Сердце — одинокий охотник» на многих страницах описано безрадостное существование двух глухонемых: один из них умирает в больнице, другой кончает самоубийством. Но нет, эта тема не исчерпывает творчества Маккаллерс, хотя ей в книгах писательницы принадлежит непомерно большое место.

Тогда, может быть, это тема детства, отрочества, становления человеческой личности, поисков и блужданий юного существа. Впервые сталкивающегося с несправедливостью, с торжествующим злом? Вспомним, что в первом романе Маккаллерс перед

нами проходят два года жизни юной Мик Келли — и на протяжении этих лет она из резкой, угловатой, по-мальчишески порывистой, но вместе с тем непосредственной девочки-подростка становится взрослой девушкой, на долю которой выпадает не одно испытание. А в последней книге автор с взволнованностью и тревогой пытается раскрыть внутренний мир юноши Джестера Клэйна, постигающего на своем собственном опыте, как трудно жить в пору, когда «распалась связь времен».

А может быть, основной является для писательницы негритянская проблема американского Юга, возникающая в обеих ее книгах? В первой из них мы видим, как разрушается семья негра — доктора Копленда, затравленного и замученного всей атмосферой южного городка, где любой белый может назвать его — уже немолодого, высокообразованного человека, спасшего от смерти десятки людей, — презрительной кличкой «бой», где сыну Копленда Вилли в полицейском участке заковывают ноги, и он становится калекой. А в последнем романе Маккаллерс «голубоглазый негр» Шерман Пью погибает, став жертвой банды линчевателей, — один из них бросает бомбу в его жилище, потому что Шерман поселился в квартале, где неграм жить не положено.

Читая «Часы без стрелок», невольно вспоминаешь первое произведение Маккаллерс «Сердце — одинокий охотник», после которого она написала еще несколько книг, пьесу и сборник рассказов (впрочем, ни одно из этих произведений не получило со стороны американской критики такого признания, как литературный первенец писательницы).

Свой последний роман она опубликовала после нескольких лет молчания и более чем через два десятилетия после первого романа. Американская критика встретила его холоднее, чем предыдущие книги Маккаллерс. Журнал «Тайм» увидел в нем лишь еще одно проявление увлеченности «южных» писателей проблемой «насилия» в ее

«расовом аспекте», а критик из «Нью-Йорк таймс» охарактеризовал эту книгу как «сценарий еще не написанного романа». Нашему читателю нетрудно будет убедиться в произвольности этого суждения. Американской же критике должно быть известно, что композиция первой книги более рыхлая, что силы зла и произвола представлены в ней более обезличенно, чем в последнем романе.

Манеру письма Маккаллера отличает большая простота в описании событий наряду с предельной сгущенностью психологического рисунка, а, в свою очередь, эта усложненность приемов раскрытия внутреннего мира ее героев сочетается с натуралистичным воспроизведением всех деталей болезни и распада личности таких ее персонажей, как глухонемой грек в первом ее романе и аптекарь Мелон в книге «Часы без стрелок».

Бросается в глаза общность фона обеих книг: и тут и там действие происходит в провинциальном городке на юге США. И хотя время действия первого произведения — годы кризиса, а второго — начало пятидесятых годов, все же описание города, которое мы находим в первой книге, можно было бы без особых изменений перенести и в «Часы без стрелок».

«На главной улице сгрудились двух- и трехэтажные здания магазинов и контор,— писала Маккаллерс в своем первом романе,— но самыми крупными сооружениями в городе были заводы, на которых работало большинство населения. Эти хлопкоочистительные заводы процветали, а работавшие на них люди были очень бедны. Часто на лицах прохожих можно было увидеть выражение отчаяния, голода и одиночества».

С какой мучительной болью размышляет доктор Копленд, собрав у себя дома группу негров, о безудержной эксплуатации, о расовой ненависти, словно стена, разделяющей людей: «Нас освободили от одного вида рабства, чтобы ввергнуть в другой. Разве мы свободны?.. Нас миллионы во всем мире — людей разного цвета кожи, разных рас и верований... А ведь многие из нас ненавидят бедняков-белых, а те ненавидят нас... Нужда с ее несправедливостью должна сплачивать людей, а не разъединять».

В уединенном домике старого негритянского врача говорят о Марксе. Негромые негры, впервые услышавшие это имя, путают его с евангелистом Марком. Но это имя прозвучало.

Почему же так безысходно грустны финальные страницы обоих романов?

Потому, говорит писательница, что люди разъединены, разобщены, изолированы. Так, в ее первом романе рабочий Джейк не может понять Копленда, а тот с недоумением и недоверием слушает гневные тирады Джейка. И символично, что единственный человек, которому они верят, которому поверяют свои думы,—это глухонемой Сингер, настолько ранимый и одинокий, что для него лучшим выходом становится самоубийство. Между тем Копленд произносит знаменательные слова: «Самое страшное для

человека — когда он пытается остаться один».

Не случайно эти слова появились в книге, написанной в Америке кризисных лет; они перекликаются со словами героя книги Хемингуэя «Иметь и не иметь» о том, что «человек один не может ни черта». Нельзя не пожалеть, что этот мотив в книге Маккаллера не развернут, что одиночество трактуется как извечное проклятие, на которое человек обречен. И трудно согласиться с утверждением автора послесловия к русскому переводу книги Маккаллера, что «любая ее строка — гимн жизни».

Тема смерти, умирания, одиночества воплощена и в этом романе с большой силой, жизнь предстает в нем как безрадостное существование, тусклое прозябание.

Трагично завершаются судьбы «голубоглазого негра» и аптекаря Мелона в последнем романе Маккаллера и судьбы героев ее первой книги. Ведь в ней только с двумя образами связаны какие-то светлые надежды. Это Мик, верящая, что ее жизнь не пройдет даром, и ее друг юноша Гарри. Мик мечтает о том, что она будет сочинять музыку, от которой людям будет легче и радостней, а у Гарри — одна мысль: посвятить себя борьбе с фашизмом.

Через два десятилетия писательница снова вводит нас в южный городок. И читателю хочется узнать, что стало с такими людьми, как Мик и Гарри.

В одном из персонажей в «Часах без стрелок» можно было бы увидеть Гарри, ставшего взрослым и даже достигшего, как он мечтал, положения известного юриста. Это Джон Клэйн, сын судьи Клэйна. Но его давно уже нет в живых. Как Гарри, как Джейк и Копленд, он ненавидел несправедливость, увлекался «радикальными идеями». И когда какого-то негра обвинили в изнасиловании белой (она любила обвиненного негра), Джон вызвался защищать «черномазого». После того как судья Клэйн, его отец, утвердил смертный приговор, он пускает себе пулю в лоб. И о нем в романе только вспоминают. А героев, подобных ему, в книге нет.

С кем же мы знакомимся в романе Маккаллера «Часы без стрелок»? Со старым судьей Клэйном, с его внуком Джестером — сыном покончившего с собой адвоката, с аптекарем Мелонем и «голубоглазым негром» Шерманом Пью. Судьбы всех этих очень разных людей роковым образом переплетены.

Мелон в возрасте сорока лет заболевает, ему остается жить не более года. Он подводит невеселый итог: жизнь прожита зря; он словно старый мул бродил по кругу, вращая мельничный жернов. Мелон обнаруживает неискренность, отчужденность окружающих его людей, поглощенных своими мелочными заботами, равнодушных к тому, что он, Мелон, уходит из жизни. Но еще страшней смерть, все больше завладевающая им.

Многие эпизоды книги, связанные с судьей Клэйном и Шерманом, раскрывают странную извращенность их сознания, причудливую гротескность их судьбы.

85-летний судья — поборник рабства, защитник «добрых старых обычаев», бывший конгрессмен — принадлежит к числу уважаемых политических деятелей Юга. Он лелеет сумасбродный план — вернуть южным штатам их бывшее могущество, добившись от правительства восстановления старых, потерявших всякую цену после поражения Юга, денег. С маниакальной настойчивостью он проповедует свою нелепую идею, видя в ней путь к восстановлению рабовладельчества. Он с патриархально «южным» добродушием относится к своей старой чернокожей служанке, испытывает даже привязанность к «голубоглазому негру», которого делает своим секретарем, но, узнав, что тот «нарушил закон», поселился в квартале для белых, становится инициатором расправы местных черносотенцев с «полукровкой».

Клэйна искренне возмущают негры, «не знающие своего места», помышляющие о равноправии. Его страшит, что когда-нибудь «нежной белой девочке придется сидеть за одной партой с черным как сажа негритосом!» С ужасом чувствует Клэйна, что в воздухе носятся новые веяния (чего стоит «грехопадение» его собственного сына, сблизившегося с «ниггерами» и красными агитаторами), что внук его, Джестер, становится ему чужим.

Джестер с уважением и любовью думает о своем отце, он все больше убеждается в том, что «прогнило что-то в датском королевстве»; но он слаб, молод и беззащитен. И, проникаясь каким-то странным чувством к Шерману, он пытается преодолеть свое одиночество, найти точку опоры. Здесь, на земле, все кажется ему чужим и враждебным, и он ищет успокоения в своем увлечении авиацией; только взлетев ввысь, отрываясь от земли, чувствует он себя свободным и счастливым. Он горько переживает смерть Шермана, но когда рядом с ним в самолете оказывается убийца негра, Джестер ощущает лишь бессильную ярость.

Шерман, впрочем, не вызывает к себе особой симпатии. Испытывая двойное чув-

ство неполноценности — как «цветной» и «незаконнорожденный» (он сын белой женщины и того негра, которого казнили за «насилие»), он пытается компенсировать это чувство агрессивной хвастливостью. В его характере много странного и причудливого, и при всем его стремлении к независимости, доведись ему услышать горячие слова доктора Копленда о свободе и солидарности людей всех рас, он едва ли сумел бы их понять и оценить.

В последнем романе Маккаллера, как и в первой ее книге, осуждается расистское изуверство, страшные пережитки рабовладельческого Юга. Писательнице больно за своих героев, она скорбит о том, что их жизнь не удалась. Однако одной жалости мало. Ведь жалость может вызвать к себе и старый Клэйна в минуты, когда он испытывает страх смерти, чувство физической беспомощности.

Так как же приделать к часам стрелки, как завести их, чтоб они возвещали приближение будущего, а не только отмечали медленное умирание Мелона и Клэйна? Писательница об этом не говорит. Но в «Часах без стрелок» она выражает неприятие того алчного и хищного мира, где так много сил пушено в ход, чтобы повредить «механизм» человеческого существования.

ВЛ. РУБИН

«ГРУСТНЫЕ ИГРУШКИ»

Исикава Такубоку. Лирика. Перевод с японского, вступительная статья и примечания Веры Марковой. Москва, «Художественная литература», 1966. 178 стр.

«Грустные игрушки» — так назвал свои «короткие песни» — танка японский поэт Исикава Такубоку.

В первый раз мы познакомились с ним в 1956 году, когда появился на русском языке сборник «Японская поэзия». Диапазон сборника был широк — от стихов знаменитого Утамаро, поэта седьмого века, до нынешних поэтов Японии. И среди этого поэтического моря, как «белые жемчужины печали», сверкали грустные и страстные пятистишия Исикавы Такубоку — поэта нашего века.

Такубоку умер совсем молодым, в двадцать семь лет, как Лермонтов. И чем-то его стихи, глубоко национальные, переключаются с лермонтовскими. Если бы он был жив, весной этого года ему исполнилось бы восемьдесят лет. Еще живы люди, знавшие его. И нет японца, который не помнил бы его песен.

В тот день, когда я голодал.

Так добра была морда собаки, что в лицо мне глядела.
Голодная, тонким виляя хвостом!

СРЕДИ КНИГ